

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ
В СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ БЕЛОРУССКОГО
И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

UNIVERSAL AND SPECIFIC IN SYNTAX MODELS
OF BELARUSIAN AND RUSSIAN LANGUAGES: POSSESSIVE
CONSTRUCTIONS

С.А. Вазник

S.A. Vazhnik

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: waznik@yandex.ru

В публикации говорится о сопоставлении посессивных моделей белорусского и русского языков. Белорусская и русская посессивные модели полностью совпадают на уровне глубинных (предикатно-актантных) структур: **Pr – Pred Poss – Pm**. Отличия в дистрибуции глагольных предикатов *мець* (БЯ) и *быть* (РЯ) выявлены только на морфолого-грамматическом уровне – в формах выражения *посессора* и *посессума*. Ср.: **N nom – V f – N acc** (БЯ); **y N gen – V f – N nom** (РЯ).

Ключевые слова: посессивные отношения; esse-языки (быть-языки) vs. habere-языки (иметь-языки); посессивная модель; отторжимая // неотторжимая принадлежность.

The publication talks about the comparison of the possessive models of the Belarusian and Russian languages. The Belarusian and Russian possessive models completely coincide at the level of deep (predicate-actant) structures: **Pr – Pred Poss – Pm**. Differences in the distribution of the verbal predicates *мець* (BL) and *быть* (RL) were revealed only at the morphological and grammatical level – in the forms of expression of possessor and possessum: **N nom – V f – N acc** (BL); **y N gen – V f – N nom** (RL).

Keywords: possessive relationship; esse-languages (to be-languages) vs. habere-languages (to have-languages); possessive model; rejecting // non-rejecting belonging.

1. Русский язык – типичный *esse-язык* (*быть-язык*), так как для выражения отношений принадлежности в нём используется модель **y X-a есть Y**. Хотя при этом отметим наличие в русском языке прецедентных высказываний с глаголом **иметь**: *Честь имею!*; *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*; *Думайте сами, решайте сами: иметь или не иметь?*; *Что имеем – не храним, потерявши – плачем*. Речь в данных примерах идёт об обладании вообще, обладании воображаемом,

желаемом [4, с. 194]. При этом подобные конструкции иногда имеют архаично-книжный оттенок [3, с. 211].

В белорусском литературном языке используются как *иметь*-конструкции, так и *быть*-конструкции, что позволяет считать белорусский язык и *esse*-, и *habere*-языком одновременно и указывает на **синкретический характер белорусского синтаксиса**: *Кожны народ мае хаця б адзін геніяльны твор, і гэты твор – мова* (А. Разанаў); *Раз у цябе ёсць сіла, ты заўсёды знойдзеш спосаб жыць на свеце, праб'еш сабе дарогу – што жывое, жывым і застанецца* (Я. Колас).

2. Белорусские ***быть*-** и ***иметь*-конструкции** полностью равноправны при выражении «*отторжимой принадлежности*», однако полной синонимии между отмеченными конструкциями нет. Наблюдаются определённые селективные ограничения сочетаемости белорусского глагола ***мець*** с *абстрактным* и *неотчуждаемыми* именами. Специальное исследование селективной категории «*отчуждаемость* // *неотчуждаемость*» проведено А.Е. Михневичем [2]. Сочетаемость белорусских глаголов ***быць*** и ***мець*** с именами в позиции *посессума* целесообразно описывать также посредством селективных категорий [+Concr] // [+Abstr], [+Anim] // [-Anim], [+Pers] // [-Pers].

В советское время под влиянием русского языка конструкция у ***мяне ёсць*** начала преобладать в белорусском языке, в частности, в публицистике и текстах художественной литературы. Однако, по нашим наблюдениям, в белорусской фразеологии и поговорках, архаичных по своей сути, имеет место параллельное употребление конструкций с наибольшим преобладанием ***я маю***.

В.А. Плунгян относит белорусский язык к *иметь-языкам*, видимо, по причине наличия в белорусском конструкции ***я маю*** [4, с. 194]. Это констатация принципиального типологического отличия белорусского языка от русского при выражении посессивности на синтаксическом уровне. Однако специфика белорусского синтаксиса всё же в **синкретизме**.

3. Сравним глагольные дистрибутивные модели предикатов *мець* (бел.) и *быть* (рус.):

Таблица 1

мець (бел.) vs. *быть* (рус.)

1.1	Посессор (Subj-Pr)	Предикат обладания (Pred)	Посессум (Obj-Pm)
1.2	[+Pers]	Poss	[±Адчужальны: +Concr / +Abstr ±Anim: ±Pers]
2.1 бел.	N nom	V f	N acc
2.1 рус.	y N gen	V f	N nom
2.2	Бел.: <i>Арсень мае машыну (кватэру, ката, каня, жонку, сябра, дзяўчыну, дзяцей, блакітныя вочы, мужны характар, гонар, добры настрой, вытанчаны густ і г.д.).</i> Рус.: <i>У Арсения (есть) машина (квартира, кот, лошадь, жена, друг, девушка, дети, голубые глаза, мужественный характер, гордость, хорошее настроение, утончённый вкус и т.д.).</i>		

На глубинном (пропозиционном) уровне (1.1) отметим универсальную для всех посессивных предикатов предикатно-актантную структуру: **Посессор (обладатель) – Предикат – Посессум (объект обладания).**

На категориально-семантическом уровне (1.2) *посессор* чаще характеризуется селективным признаком [+Pers] – *персональный* актант. Для *посессума* следует учитывать целый комплекс селективных категорий, которые позволяют более точно описать сочетаемость посессивных глагольных предикатов.

Разница в дистрибуции белорусского глагола *мець* и русского глагола *быть* выявляется только на морфолого-грамматическом уровне дистрибутивной модели (2.1) – в формах выражения *посессора* и *посессума*.

Уровень (2.2) – уровень лексической реализации каждой актантной позиции посессивной модели в речи в соответствии с ограничениями на уровнях (1.2) и (2.1).

4. Белорусская «система принадлежности» имеет ещё несколько принципиальных грамматических отличий от русской системы.

Основными формальными средствами реализации категории посессивности на морфологическом уровне как в белорусском, так и в русском языках являются различные *посессивы*: 1) притяжательные прилагательные; 2) прилагательные с притяжательно-относительным значением; 3) притяжательные местоимения; 4) притяжательно-

возвратное местоимение *свой*; 5) вопросительно-относительное местоимение *чей*; 6) родительный посессивный.

В отличие от русского языка, в белорусском есть и **дательный посессивный**, где *N dat* обозначает человека, которому на пользу (*dativus commodi*) или во вред (*dativus incommodi*) осуществляется определённое действие. Е.Ф. Карский в своём исследовании “Белорусы” к *dat. pos.* отнёс следующие случаи: *Яго сыну жонка памерла; Яму галава баліць* [1, с. 413–414].

Определённый исследовательский интерес представляет пара **ёсць – няма**, где белорусское *няма* образовано от глагола *мець* (*не + ма(еш)*), а не от *есть*, как, например, слово *нет* в русском языке.

5. Параллельное функционирование в белорусском языке двух посессивных конструкций – это **ещё одна отличительная черта белорусского синтаксиса в русскоязычном отношении**. На эту **типологическую черту белорусского синтаксиса** не обращается внимание в многочисленных пособиях по сопоставительной грамматике белорусского и русского языков. За исключением, пожалуй, «*Русско-белорусского разговорника*» А.Е. Михневича [2].

Не представлены в белорусско-русских и русско-белорусских штудиях также контрастивные пары: *дательный посессивный* (бел.) – *родительный посессивный* (рус.); *няма* (бел.) – *нет* (рус.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Карский Е.Ф. Белорусы. Вып. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
2. Міхневіч А.Я. Селекцыйная катэгорыя «адчужальнасць // неадчужальнасць» // Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы. Мн.: Навука і тэхніка, 1976.
3. Михневич А.Е. Русско-белорусский разговорник. Мн.: Выш. шк., 1991.
4. Плунгян В.А. Почему языки такие разные. М.: Русистика, 2020.

ІМЕННЫ КАМΠΑНАЕНТ АПІСАЛЬНЫХ ПРЭДЫКАТАЎ NOMINAL COMPONENT OF DESCRIPTIVE PREDICATES

В.В. Варановіч

V. Varanovich

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
Мінск, Беларусь

Belarusian State University
Minsk, Belarus

e-mail: gamrat@tut.by

У артыкуле праводзіцца аналіз іменнага кампанента ў складзе апісальных прэдыкатаў, разглядаюцца тыпы значэнняў, уласцівых для